

"Брат Луо Бай, все эти изображения оригинальны для тебя?" Ян Цзымэй спросил.

"Мм". Ло Бай кивнул: "Мы делаем только старинный фарфор, а не подделки, поэтому все изображения оригинальны и написаны мной".

"Это мило". Ян Цзымэй с восхищением посмотрел на Ло Бая и воскликнул.

Получив похвалу, Ло Бай был слегка смущен: "Госпожа Ян, это вы замечательная, я здесь сегодня благодаря вам, которая также взяла мою жизнь в свои руки".

"Хе-хе, ты не хочешь быть благодарным, я спас тебе жизнь, я хочу, чтобы ты продал свою жизнь мне, чтобы заработать деньги, мы не должны друг другу". Ян Цзымэй смеялся.

"Я все еще думаю, что я много заработал." Ло Бай сказал: "И жить, и развивать свои собственные интересы, чтобы ремесло нашей семьи Ло могло процветать, и менеджер Мин сказал, что вы можете подписать мое имя на каждом кусочке синего и белого фарфора".

Для художника не было ничего важнее, чем иметь свое имя на произведении, которое он создал, это было подтверждением его самоуважения.

Ян Цзымэй с благодарностью посмотрел на Мин Ган: "Ты так прав, Ло Бай, ты станешь знаменитым мастером ремесла".

"Это честь для нас иметь этого мастера мастерства," Мин Ган улыбнулся: "Мы, Тысяча Байду, рассчитываем на Ло Бай".

Ло Бай слегка застенчиво улыбнулся и опустил голову, чтобы продолжить работу над глиняными шинами, быстро войдя в состояние забвения снова.

Ян Цзымэй больше не беспокоил его и взял сине-белую фарфоровую чашу в офис Минь Ганя, чтобы сесть и поболтать с ним о компании и ее фондах.

"Мин Ган, тебе тяжело, ты каждый день занят в компании, а также в школе". Ян Цзымэй посмотрел на Мин Ган.

Мин Ган покачал головой: "Нет, в этот день я чувствую себя самым полным и счастливым, это совсем не тяжело".

Глядя на свет, сияющий в глазах его учеников, Ян Цзымэй знал, что он говорит правду.

Самое трудное время для человека было не тогда, когда у него было много дел, а когда ему было скучно и нечего было делать.

Более того, у него были свои цели и планы!

По сравнению с ним, Ян Цзымэй чувствовал стыд.

На самом деле, это ей было очень скучно, идти по течению, и у нее не было никаких планов.

Когда Мин Ган получил звонок из дома, его лицо резко изменилось, и он поспешно встал: "Зимей, я иду домой, кладовая моего дедушки горит".

Брови Яна Зимэя подпрыгнули, вспомнив предупреждение, которое он дал Мин Юлину в тот день.

Казалось, что он действительно не принял близко к сердцу свои слова и не принял никаких противопожарных мер.

"Кто-нибудь в порядке?"

Ян Цзымэй спросил с беспокойством.

"Дедушка был немного ранен, все вещи, собранные в этой сокровищнице, были работой его сердца, я думаю, что сердце болит еще больше."

Мин Ган сказал, когда выходил.

Ян Цзымэй не отставал.

Велосипед Мин Ган также перестал крутить педали и сразу же остановил такси, Ян Цзымэй тоже сел в него: "Я также посмотрю, могу ли я чем-нибудь помочь".

"Спасибо". Мин Ган с благодарностью посмотрела на неё, призывая водителя быстро вести машину.

Прибыв к дому Мина, снаружи уже было много людей, здесь были пожарные машины и полицейские машины.

Пожар был потушен.

Ян Цзымэй последовал за Мин Ган и втиснулся.

Он видел, как Мин Юлин ошеломленно сидел на земле, держась за Мин Цинхуа и Хуана Цзинсяня, которые аккуратно утешали его.

Кровь сердца была испорчена, и это был большой удар для любого.

Ян Цзымэй подошел к затерянной комнате с огненными сокровищами, выжженные черные стены, в основном разрушили всю комнату, я не знаю, сколько антиквариата внутри было уничтожено, в противном случае, было очень плохо.

[Веб-сайт сегодня снова дрожит, обновления не могут быть отображены]

<http://tl.rulate.ru/book/40827/1012693>